

Стремительный, словно раскат грома, меч Яое вдруг застыл на полпути — будто ядовитую змею неожиданно схватили за самое уязвимое место. Се Жун, разумеется, не собирался упускать такую возможность. Чёрный короткий меч описал странную дугу и вошёл Яое под правые рёбра. Монаха словно ударил огромный кулак. Тело отлетело в сторону и тяжело рухнуло на сухую траву, покрытую инеем. Мужской голос снова испуганно крикнул:

— Брат!

К ним торопливо подбежал монах старше тридцати лет с фонарём в руке. Он опустился на колени возле Яое. Лу Шэн смотрел в полном недоумении, даже забыв о ноющей от ударов руке. По внешности Яое казался лет на десять моложе пришедшего монаха. Но именно старший называл молодого «братом». Картина была настолько странной, что Лу Шэн не знал, как её понять. Он ещё не успел прийти в себя, как плечо внезапно пронзила резкая боль. Вырваться из объятий Се Жуна не получалось. Лу Шэн стиснул зубы:

— Что ты ещё задумал?

Се Жун тихо усмехнулся. Пальцы всё ещё прижимали точки вокруг раны на плече. Он несколько раз надавил, затем наконец разжал руку на талии Лу Шэна и неторопливо направился к двум монахам. Лу Шэн сперва рассердился ещё сильнее. А затем вдруг заметил неладное. Он осторожно коснулся плеча. Боль исчезла. Кровь больше не шла. Более того — рана на глазах начала затягиваться. Гнев мгновенно сменился восторгом.

«А этот молодой господин действительно кое-что умеет. Если я освою такой приём, при задержаниях у гвардии Юйлин появится ещё одно серьёзное преимущество. Интересно, согласится ли он научить?»

Раз у Лу Шэна уже появились свои планы на Се Жуна, отношение к нему сразу стало терпимее. Он даже забыл возмущаться тем, что тот опять без разрешения вмешался в расследование. Подхватил меч и поспешил следом. Яое всё ещё лежал в траве. Расфокусированный взгляд остановился на монахе рядом. Вся прежняя свирепость исчезла. Он медленно улыбнулся. И в этот миг лицо словно осветилось тысячью лучей.

— Хуэйе... ты так постарел.

Монах по имени Хуэйе сам был уже за тридцать, но сейчас выглядел растерянным, словно ребёнок. Он встал на колени, осторожно приподнял Яое и обнял. Слёзы потекли по лицу.

— Прошло двадцать четыре года. Конечно, я постарел. А вот брат...

Он произнёс именно то, о чём думали все присутствующие. Яое продолжал улыбаться. С трудом поднял руку и положил её на плечо Хуэйе.

— Хуэйе. Ты хорошо жил?

Хуэйе плакал всё сильнее. Он крепко сжал запястье брата.

— Хорошо... конечно, хорошо. После того как я выбрался из секты Цзинье, меня приютил монастырь Синшань. Я стал учеником наставника Юаньнэна. Так вышло, что в нашей монашеской линии мне полагался иероглиф «Хуэй», поэтому наставник сохранил мне имя Хуэйе — чтобы я каждый год, каждый месяц помнил и ни на миг не забывал...

Голос дрогнул.

— Тогда я один сбежал из того логова и оставил брата.

Улыбка Яое стала ещё мягче. В ней появилось настоящее счастье.

— Глупый. Я сам велел тебе уходить. Теперь вижу тебя и... очень рад.

Он немного помолчал.

— Но зачем ты пришёл, Хуэйе?

Тот ещё не успел ответить. Се Жун уже подошёл и спокойно сказал:

— Гвардия Юйлин расследовала три случая обезглавливания и вышла на вашего старшего брата. Полагаю, наставник Хуэйе прекрасно знаком с методами убийства секты Цзинье.

Он говорил так же невозмутимо:

— Мне не хотелось смотреть, как этот молодой гунцао понапрасну теряет жизнь. Тем более не хотелось позволять вашему брату продолжать создавать карму убийства. Поэтому я позволил себе потревожить наставника Хуэйе и попросить его помочь найти подходящее решение.

Лу Шэн замер. В груди вдруг стало тепло. Он тихо пробормотал:

— Так господин Се проделал весь этот путь, чтобы меня спасти. А не ради Сюаньху.

Се Жун раздражённо взглянул на него. Слишком много говорит. Лицо тут же стало холоднее. А вот Хуэйе резко изменился. Он опустил глаза на брата и испуганно спросил:

— Брат... ты... сколько времени носишь Сюаньху при себе?

Яое по-прежнему не выпускал рукоять меча. Старая рана, полученная на Шилипо, и новые порезы сегодня непрерывно кровоточили. В свете огня кровь выглядела как алые змеи, ползущие по телу. Она стекала до тех самых чистых пальцев, которыми монах ещё недавно играл на цине. Опираясь на Хуэйе, Яое гордо поднялся.

— С тех пор как покинул округ Сюньян. Не расставался с ним ни на мгновение.

От Сюньяна до Цзянье обычному путешественнику требовалось больше десяти дней. Даже Яое с его мастерством, если двигаться днём и ночью, понадобилось бы шесть-семь дней. Плюс время, проведённое в столице...

Лицо Хуэйе исказилось болью и стыдом. Голос задрожал:

— Брат... если бы не желание спасти меня, разве ты дошёл бы до такого? Это я виноват.

Он протянул руку.

— Отдай Сюаньху мне.

Хуэйе сделал шаг вперёд, собираясь забрать меч. Лицо Яое мгновенно стало яростным. Он резко толкнул младшего брата ладонью, а правой рукой поднял длинный клинок и обрушил сверху. Но в тот момент, когда лезвие уже почти коснулось макушки Хуэйе, меч застыл. Яое тяжело дышал. На лице сменялись ярость и растерянность. Будто только сейчас он пришёл в себя. Когда Хуэйе снова тихо произнёс:

— Брат...

Яое отступил на два шага.

— Хуэйе! Даже ты хочешь мне мешать?! Думаешь, я не посмею тебя убить?!

Хуэйе сложил ладони. Он стоял под острым ветром от меча и даже не пытался отступить. Закрыв глаза. В центре лба постепенно выступили капли крови, слились в тонкую линию и потекли вдоль переносицы.

— Если моя смерть заставит старшего брата опустить нож мясника, бери эту жизнь.

Лу Шэн уже собрался вмешаться. Но Се Жун беззаботно поднял руку, преграждая путь.

— Братья ссорятся. Смотри и не мешай.

Он лениво добавил:

— Если бы действительно хотел убить — уже убил бы. Зачем повторять угрозы вслух? Только делает свирепый вид, а внутри мягок.

Лу Шэн протянул:

— Вот оно как-а-а...

В его тоне слышался явный намёк. Се Жун тоже внезапно вспомнил. На Шилипо он сам орал Лу Шэну почти то же самое и угрожал убить. Лицо тут же стало холодным.

— Я просто не люблю лишних хлопот. Тот, кто связывается с Цзинье, из десяти случаев в десяти умирает. Мне незачем собственноручно добавлять ещё один удар.

Лу Шэн улыбнулся:

— Верно. Если бы господин Се меня не спас, сегодня я едва ли ушёл бы живым.

Лицо Се Жуна потемнело ещё сильнее.

— Я пришёл за Сюаньху. К тебе это не имеет никакого отношения. Маленькому гунцао просто снова повезло.

Лу Шэн услышал, что тот действительно начинает злиться, и поспешно примирительно улыбнулся.

— Как бы там ни было, господин Се невольно помог мне. Я обязательно это запомню.

Се Жун фыркнул:

— Ты же не нежная девица. Даже если запомнишь, что дальше? Отдашь себя мне в благодарность?

Сердце Лу Шэна почему-то дёрнулось. Он вдруг вспомнил первую встречу. Смутный силуэт за бледно-зелёной занавесью. Тонкий аромат благовоний. Изящная тень, будившая воображение. Се Жун был выше него почти на полголовы. Теперь Лу Шэн поднял глаза и увидел его холодный, прекрасный профиль. Слова сами сорвались с языка:

— Ты красивее девушки.

Тут же стало неловко.

— Господин Се, не сердитесь. Я... просто ляпнул не подумав.

Лу Шэн уже приготовился к вспышке гнева. Но Се Жун лишь тихо хмыкнул и снова посмотрел на двух монахов. Похоже, Яое начал уступать словам брата. Поднятый меч понемногу опускался. Хуэйе облегчённо выдохнул.

— Брат...

И в этот миг по серебряному клинку, сиявшему словно осенняя вода, пробежал ярко-красный свет. Тело Яое вздрогнуло. Он пошатнулся, отступил на два шага и внезапно изменился в лице. Холодно рассмеялся:

— Хуэйе. Я рисковал жизнью, спасая тебя, не для того, чтобы ты вступил в такую еретическую секту, как Синшань.

Голос становился всё резче.

— Будда Медицины, Татхагата Лазуритового Сияния, дал Двенадцать великих обетов, чтобы спасти три тысячи миров, очищать греховную карму и избавлять живых существ от страданий. Как же ты... забыл?

Хуэйе печально улыбнулся и сделал ещё шаг. Яое резко поднял меч. Движение на мгновение запоздало, будто рука ему не принадлежала.

— Не подходи!

Хуэйе словно не услышал. Продолжил медленно двигаться вперёд, входя прямо в радиус удара Сюаньху. Говорил тихо:

— Убивать живое ради защиты живого. Рубить карму, а не человека. Очистить страдания трёх тысяч миров и принять их на себя.

Он посмотрел брату в глаза.

— Старший брат, Будда Медицины дал Двенадцать великих обетов. Цзинье следует ему и считает их высшим законом. Мы готовы пожертвовать собой ради очищения чужих грехов. Но кто виновен и кто заслуживает смерти — этого не способны решать мы, обычные люди, своим ограниченным разумом.

На мрачном, посиневшем лице Яое неожиданно появилась крохотная улыбка. Как одна звезда в безграничной ночи. И сразу исчезла.

— Ты всё ещё помнишь слова, которые старший брат говорил тебе тогда.

По щеке Хуэйе покатилась слеза.

— Каждое слово. Врезалось в кости.

Яое улыбнулся снова.

— Теперь всё иначе.

Глаза его загорелись пугающей уверенностью.

— Будда Медицины лично явился мне. Его слова до сих пор звучат в ушах. Будда наставил: «Еретический монах из ложной школы смущает моё сердце. Его грехи глубоки. Если не переправить его сейчас — когда ещё?»

Он ласково сказал:

— Хуэйе, не бойся. Старший брат сейчас отправит тебя к перерождению.

Сюаньху мгновенно пошёл поперёк. Клинок устремился к шее Хуэйе. Всё произошло слишком быстро. Лу Шэн побледнел. Даже если бы он бросился сейчас, уже не успел бы. И тут из руки Се Жуна выскочила точка чёрного света. На ветру она стремительно увеличилась. Превратилась в тёмно-красного огненного журавля. Птица молнией бросилась на Яое. Раздался резкий звон. Длинный клюв зажал Сюаньху и переломил пополам. Одно крыло, словно несущее пылающий ураган, врезалось монаху прямо в грудь. Яое снова отбросило назад. Кровь одновременно хлынула из носа и рта. Тёмно-красное пламя вновь приняло форму журавля. Но теперь было отчётливо видно:

у птицы только одна нога. Там, где она пролетала, сухая трава, тутовые деревья и кустарник вспыхивали с треском. Журавль описал дугу в воздухе. Начал уменьшаться. В конце концов бесшумно опустился обратно в ладонь Се Жуна. Лу Шэну оставалось только вернуть в ножны меч, который он успел вытащить лишь наполовину. Взгляд остановился на красивой кисти Се Жуна. В ней лежала та самая чёрная нефритовая подвеска. Древний резной узор. Одноногий журавль. Вокруг — языки огненных облаков. Лу Шэн не удержался:

— Этот журавль такой сильный... Но почему у него только одна нога?

Се Жун на некоторое время замолчал. Потом решил вообще не отвечать. Просто пошёл к Яое.

Лу Шэн не понял, в какую больную точку опять случайно попал. Но сейчас было не до этого. Он поспешил следом. И едва увидел Яое — по спине пробежал холод. Монах, прежде чистый и возвышенный, словно посланник Западного рая, теперь лежал среди огня. От бёдер до груди тело обуглилось. Из чёрной корки проступало живое мясо. Запах горелой плоти бил в нос. Но Яое, казалось, совершенно не чувствовал боли. Он пытался подняться и хрипел:

— Мир людей... полон асуров... демоны... бесчинствуют... Если я не проявлю милосердие... если не войду в ад... кто спасёт страдающих живых существ...

Взгляд метался.

— Хуэйе... Хуэйе... почему именно ты... пал и стал демоном...

Полусожжённое тело корчилось и кричало среди пламени. Страшнее зрелища трудно было представить. Лу Шэн резко вдохнул. Одноногий огненный журавль оказался невероятно могуч. Одним ударом почти убил монаха, который несколько раз загонял самого Лу Шэна в безвыходное положение. Похоже, методы Се Жуна действительно превосходили даже даосов из монастыря Учэнь за городом. Лу Шэн быстро переступил через обгоревшую траву и опустился на колени рядом с Яое. У него был только один пузырёк кровоостанавливающего порошка. Для ожогов толку почти никакого. Но другого не имелось. Он высыпал остаток лекарства на раны и громко крикнул:

— Быстро в деревню! Позовите кого-нибудь! Найдите лекаря, умеющего лечить ожоги!

Никто не ответил. Се Жун, разумеется, даже не шелохнулся. Хуэйе тоже молчал. Он подобрал почерневший от искр край монашеской одежды и медленно встал на колени с другой стороны. Лицо оставалось спокойным. Но в глазах была такая глубокая боль, словно бездонная пропасть.

— Брат. Помнишь, тридцать лет назад, когда мы бежали? Семь дней я лежал в жару и почти не приходил в себя. Ты всё это время нёс меня на спине через горы и реки.

Голос стал ниже.

— Все уговаривали тебя бросить меня у дороги. Что ты тогда сказал?

Яое будто не слышал. Лицо было растерянным и измученным. Он схватил Хуэйе за одежду и закричал:

— Будда! Ты ответил на мою просьбу! Ответил на мои вопросы! Почему же не переправил вместе со мной и Хуэйе?!

Пальцы дрожали.

— У меня... только один родной человек!

Хуэйе позволил ему тянуть себя за одежду. Роба быстро покрылась кровью. Он горько улыбнулся:

— Именно так. Ты сказал: «Хотя мы с Хуэйе братья лишь по матери, в этом огромном мире у меня есть только один родной человек».

Яое снова оттолкнул его ладонью. Подхватил половину сломанного меча. И опять рубанул сверху. Лу Шэн успел схватить его за запястье. Но тут увидел нечто ещё более страшное. Хуэйе голой рукой держался за острый обломок клинка. Кровь била между пальцами. А острие уже глубоко вошло в грудь Яое. Лу Шэн побледнел.

— Наставник Хуэйе! Этот человек — подозреваемый в тяжких преступлениях! Как вы могли...

Сюаньху был невероятно острым. Хуэйе вонзил его глубоко. Лицо Яое постепенно становилось спокойным. Свет в глазах угасал. Теперь даже великий небесный бессмертный не смог бы его спасти.

<http://bllate.org/book/22499/2375499>